

С.М. Рязанов

**РЕЦЕНЗИЯ: Д.М. СОФЬИН. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ:
ПУТЬ РУССКОГО КОНСЕРВАТОРА. М. : ЕЛИСАВЕТИНСКО-СЕРГИЕВСКОЕ ПРОСВЕТИТ.
ОБЩ-ВО, 2016. 240 с.**

История – одна из немногих научных дисциплин, делающая своим предметом единичное и неповторимое. Новая монография кандидата исторических наук Дмитрия Михайловича Софьина, изданная Елисаветинско-Сергиевским просветительским обществом, является обобщением многолетних исследований жизни и деятельности одного из ярчайших и не имеющих аналогов в российской истории конца XIX – начала XX в. феноменов – «удельного московского князя» Сергея Александровича Романова. Рассуждая о важности изучения биографических сведений, Ю.Л. Бессмертный писал: «Мы исследуем эти сюжеты отнюдь не только потому, что хотим знать, насколько типичны (или нетипичны) поступки этого человека, но ради понимания его как такового, ибо он интересует нас сам по себе... Ведь самая его уникальность раскроет нечто от уникальности его времени» [1. С. 23].

Разумеется, столь значительная фигура, как августейший генерал-губернатор, не могла не привлекать историков и публицистов раньше, и в этом отношении Д.М. Софьин ни в коем случае не является первопроходцем. В новейшей российской историографии одним из первых, еще в 1994 г., к судьбе великого князя обратился А.Н. Боханов на страницах научно-популярного журнала «Родина» [2]. Более развернутый вариант биографии Сергея Александровича вышел из-под пера историка в 1997 г. в сборнике «Российские консерваторы» [3].

В 2006 г., на следующий год после 100-летия со дня трагической гибели великого князя и накануне 150-летия со дня его рождения, вышло целых две научно-популярных книги о московском генерал-губернаторе: «Трагическая судьба Великого князя» Б.Д. Гришина [4] и «Первый мученик царственного Дома: Великий князь Сергей Александрович Романов» В.И. Мельника [5]. Несмотря на то что первая из упомянутых книг была основана не только на литературе, но и на архивных материалах, а вторая снабжена системой сносок, ни та ни другая на звание научного труда не претендовали. Таким образом, работа Д.М. Софьина – это первая «полноценная» монография о великом князе. Во всех вышеперечисленных работах дана более чем положительная оценка великого князя как личности и как государственного деятеля. «Удерживая руку разрушительной веры и государства, – пишет В.И. Мельник, – князь

Сергий на посту генерал-губернатора Москвы неустанно созидал» [5. С. 88]. Не стала исключением и книга Д.М. Софьина.

Понятно, что высокая оценка деятельности великого князя во многом связана с консервативными убеждениями самих его биографов. В то же время многие акции Сергея Александровича, направленные на сохранение и преумножение русского исторического наследия, вряд ли можно оценить негативно, какой бы идеологической платформы не придерживался историк. Например, спасение великим князем на собственные средства ценных исторических источников, хранящихся в ужасных условиях в стенах Китай-Города (С. 86).

Особо хочется отметить добросовестный научно-справочный аппарат. Он наглядно демонстрирует, что несмотря на сравнительно большое число книг и статей, затрагивающих различные аспекты деятельности великого князя, основой монографии выступают опубликованные и неопубликованные источники личного происхождения. При этом в книге нет ни одной «слепой» ссылки. Помимо архивного шифра Д.М. Софьин всегда указывает вид источника (письмо, дневник, воспоминания), автора и время создания. Таким образом, читатель сразу же может убедиться, насколько велика степень достоверности тех или иных сведений. Подобный подход позволяет автору с большой убедительностью развенчать многие популярные мифы о великом князе, которые, по мнению историка, представляют собой целостную негативную «мифологию».

В заключении автор утверждает, что за его героем в «массовом сознании» прочно закрепились такие неприглядные прозвища, как «Князь Ходынский», «анти-семит», «гомосексуалист», «неприятный человек, нелюбимый даже родственниками» и т.д. (С. 164). Однако проблема, на наш взгляд, как раз в том, что в отличие от негативных образов таких персон, как Николай II или Григорий Распутин, герой исследования Д.М. Софьина вряд ли известен широким «массам». Его отталкивающий портрет существует именно в сознании ученых-историков, нередко специалистов по изучаемому периоду. Попытки развеять эти убеждения делаются как минимум с начала 1990-х гг. В новом тысячелетии научные статьи о Сергее Александровиче были подкреплены немалым числом опубликованных исторических источников. Проходят ежегодные «Ели-

саветинско-Сергиевские чтения», посвященные великому князю и его супруге Елизавете Федоровне. Тем не менее взгляды научного сообщества на фигуру великого князя не сильно переменялись.

Монография Д.М. Софьиной интересна и раскрытием механизма формирования «десакрализаторского мифа» о великом князе. Автор подробно рассматривает развитие «мифологемы»: от невинных слухов до безапелляционных утверждений, от великосветских салонов до советской публицистики 20-х гг. прошлого века. Особенно мастерски «препарирован» разделяемый многими историками миф о гомосексуализме великого князя. Оказывается, его «неопровержимыми доказательствами» служили лишь бездетность семьи Сергея Александровича, отсутствие любовных связей вне брака, а также домыслы недоброжелателей московского генерал-губернатора (С. 73–76). Впрочем, автор на этом не останавливается и приводит доказательства традиционной ориентации Сергея Александровича. Так в Государственном архиве Республики Крым Д.М. Софьин отыскал воспоминания ялтинского городского головы В.А. Рыбицкого о романе великого князя и «очень красивой молодой дамы» во время посещения Сергеем Александровичем Ялты осенью 1873 г. (С. 29). Аналогичным образом демонтируются Д.М. Софьиным мифы об антисемитизме или мнимой антипатии к великому князю со стороны членов его семьи.

Наиболее явственная генетическая связь прослеживается у монографии Д.М. Софьиной с трудом А.Н. Боханова 1997 г. И дело, разумеется, не только в строгом академизме обеих работ. Если Б.Д. Гришин и В.И. Мельник позиционируют великого князя как мученика, то для А.Н. Боханова и Д.М. Софьиной он является, прежде всего, «русским консерватором». К сожалению, Д.М. Софьин не уточняет, какой именно смысл он вкладывает в данное понятие. В современной русской историографии прочно закрепилось два концепта «консерватизма» [6. С. 28–31]. Хантингтоновский консерватизм, который также называют «ситуационным» или «охранительным», по большому счету, не является политической идеологией, а лишь выступает за сохранение status quo. С этих позиций консерватором можно назвать хоть В.К. Плеве, хоть Л.И. Брежнева. В то же время таким столпом русской консервативной мысли как К.Н. Леонтьев или Л.А. Тихомиров в звании консерваторов будет отказано, потому как предложенные ими реформы были гораздо радикальнее даже либерального плана переустройства России. Второй, мангеймовский, вариант понимает консерватизм как самостоятельную идеологию, противоположную идеалу Просвещения.

Однако по некоторым сюжетам можно сделать вывод о том, что великий князь был все-таки «идейным консерватором». Прежде всего, Д.М. Софьин делает акцент на том, что на формирование его личности сильно повлияла его воспитательница, фрейлина А.Ф. Тютчева, придерживавшаяся славянофильских

убеждений. Благодаря ее влиянию великий князь стал не просто консерватором, а «с сильным московско-славянофильским уклоном» (С. 34–35). Более красноречиво о желании Сергея Александровича не только сохранять, но и идти на значительные преобразования во имя консервативных идей говорит его поддержка «зубатовщины». Хотя он и не был архитектором «полицейского социализма», очевидно, что без личной поддержки великого князя такая смелая мысль, как создание рабочих организаций, не могла быть реализована в Москве и распространиться на другие города империи (С. 140–141). Реформы великого князя принесли свои плоды. «Рабочие и фабричные в Москве представляют элемент менее податливый революционной пропаганде, ибо я старался для них сделать все, что мог в эти 4 года, – подводил итоги своей деятельности в январе 1905 г. бывший московский генерал-губернатор, – устраивал кассы самопомощи, разрешая собрания в народных домах общ[ества] трезвости и целый ряд лекций в разных аудиториях, куда часто и сам ездил» (С. 156). Интересно, что не меньшее внимание рабочему вопросу уделял автор одного из самых радикальных проектов консервативной реформы – Л.Н. Тихомиров. «А ведь рабочие – это мой самый близкий (по духу) класс. Я крестьян мало знаю, и не сумел бы с ними сойтись. А рабочие мне свои люди», – утверждал публицист [7. С. 80].

Монография Д.М. Софьиной разделена на 12 глав, которые в хронологической последовательности (с незначительными отступлениями) излагают события жизни и деятельности великого князя. Безусловно, иной принцип подачи материала вряд ли может быть применим в биографическом исследовании. В то же время это усложняет понимание отдельных проблем: процесс формирования «мифологемы великого князя» или его роль в культурной жизни России оказались «разбросанными» по разным местам монографии. Первая глава «В кругу семьи» посвящена, как явствует из заглавия, обстоятельствам рождения великого князя и его отношениям с родственниками. С одной стороны, ее значение в том, чтобы показать влияние на его личность родственников. С другой – уже эта глава на широком источниковой базе опровергает утверждение о плохих отношениях Сергея Александровича с членами царской семьи. Со многими великий князь сохранил теплые отношения до последнего дня.

Вторая глава, несколько накладываясь на предыдущую хронологически, рассматривает начало жизненного пути великого князя с другой позиции: какое влияние на формирование его личности оказали образование и воспитание. Вообще, благодаря обилию сохранившихся писем, дневников и воспоминаний, в случае с великим князем исследователь явно не сталкивается с проблемой недостаточной источниковой базы о детстве исторической личности, от которой страдают многие биографические исследования [8].

Третья глава освещает события Русско-турецкой войны и последовавшие за ней трагические эпизоды,

связанным со смертью матери Сергея Александровича императрицы Марии Александровны и гибелью его отца от рук террористов. Прибытие Сергея Александровича на фронт оказалось не просто «типичным» событием, благодаря широкому участию в войне членов Императорского дома она даже получила название «война великих князей» (С. 48). Это период наложил сильный отпечаток на личность Сергея Александровича, сделав его гораздо более замкнутым и серьезным человеком (С. 52).

Смерть родителей значительно усилила религиозность великого князя, в результате чего он возглавил учрежденное в 1882 г. Императорское православное палестинское общество (С. 61–62), игравшее и продолжающее играть значительную роль в научной и политической жизни нашей страны. Об огромном вкладе Сергея Александровича в укрепление позиций России на Святой Земле рассказывает четвертая глава.

Пятая глава посвящена полковой и семейной жизни. Д.М. Софьин убедительно доказывает, что вопреки утверждениям С.Ю. Витте и других представителей высшего света общество супруги нравилось Сергею Александровичу все-таки больше, чем молодых офицеров. «Здесь так хорошо, что трудно и описать, – писал он о своей жизни в Ильинском Константину Константиновичу, – а главное быть с дорогой женой далеко от всех отвратительных дряг придворной жизни» (С. 72).

Шесть последующих глав преимущественно повествуют о деятельности великого князя на посту московского генерал-губернатора, из которых первостепенный интерес представляют три. В главе «Еврейский вопрос» развенчивается утверждение об антисемитизме великого князя. По мнению Д.М. Софьина, высылка евреев 1891–1892 гг. планировалась задолго до прибытия великого князя в Первопрестольную и помимо него отражала скорее настроения определенных слоев московского общества. Самого Сергея Александровича «еврейский вопрос» занимал мало, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что он совсем не упоминает его в своей переписке с Константином Константиновичем. Антисемитизм московского генерал-губернатора опровергается также его хорошими отношениями с лидером московской иудейской общины Л.С. Поляковым, помощью художнику И.И. Левитану, а также благотворительной деятельностью великого князя, направленной на помощь не только русским, но и иудеям (С. 100–101).

Глава «Последняя коронация» рассказывает не столько о событиях на Ходынском поле и выявлении виновных, сколько о том, как удачно использовали эту трагедию оппозиционеры и личные недоброжелатели Сергея Александровича во главе с великим князем Александром Михайловичем. Что касается самого печального эпизода, то Д.М. Софьин, приводя различные точки зрения историков и современников на этот счет, уверенно говорит лишь о непричастности к катастрофе великого князя.

Безусловно, кульминацией книги является глава «Великий князь московский». Она примечательна тем, что здесь автор позволяет себе выйти за рамки биографического исследования и перейти к более глобальным обобщениям. Действительно, сам по себе прецедент соединения в руках великого князя гражданского и военного управления на огромной территории Европейской России не имел аналогов в истории нового и новейшего времени. В то же время ведомственная «вотчинность» великих князей была достаточно распространенным явлением. При этом августейшие министры на практике имели гораздо больше полномочий, чем иные подданные на аналогичных постах (С. 126). Данные факты позволяют историку иначе взглянуть не только на положение Сергея Александровича, но и на сам институт Императорского дома, и на его роль в механизме государственного управления дореволюционной России.

По мнению Д.М. Софьина, как и авторов предшествующих книг о великом князе [4. С. 236–237; 5. С. 100–101], Сергей Александрович оставил «великое княжение», потому что был глубоко не согласен с решением Николая II пойти на уступки «общественному мнению» и ввести в России народное представительство (С. 151). Впрочем, в новейшей историографии есть и другие точки зрения на этот счет: «Сергей Александрович обратился к своему племяннику и свояку, императору Николаю, с просьбой освободить его от занимаемой должности максимально почетным образом, – писал исследователь московской полиции В.И. Гурьев. – Подобное оставление поста в тяжелое для империи время во многом напоминало дезертирство, но великого князя больше интересовала собственная безопасность» [9. С. 41]. Данная точка зрения опровергается тем, что Сергей Александрович в 1905 г. продолжал сохранять пост командующего Московским военным округом, «поскольку не мог в столь тяжелое время совсем уйти на покой и бросить венценосного племянника и страну на произвол судьбы» (С. 152). Оригинальную точку зрения высказывает биограф убийцы Сергея Александровича Р.С. Закиров: «Есть основания считать, что отставка великого князя от должности московского генерал-губернатора в ноябре 1904 года была фиктивной: он регулярно продолжал посещать нового московского градоначальника Е.Н. Волкова, а Московское охранное отделение направляло ему донесения о выступлениях рабочих и студентов вплоть до дня его гибели» [10. С. 74–75]. Аргументы, мягко говоря, выглядят не особенно убедительно. Было бы весьма странно, если бы командующий военным округом не посещал градоначальника или не получал сообщений о волнениях, с которыми был призван бороться.

В последней главе Д.М. Софьин достаточно подробно рассматривает деятельность великого князя по подавлению протестного движения в Первопрестольной в январе 1905 г. По мнению историка, Сергею Александровичу это удалось сделать достаточно быстро и без малейшего кровопролития (С. 158). Что каса-

ется реакции общественности на гибель бывшего московского генерал-губернатора 4 февраля 1905 г., то Д.М. Софьин описывает ее как, в целом, сочувственную по отношению к жертве (С. 161).

В монографии имеется ряд ценных приложений. Во-первых, Краткий биографический справочник членов Российского императорского дома, позволяющий разобраться в сложной перипетии родственных связей историкам, не являющимся специалистами по романовской проблематике. Во-вторых, письма великого князя разным лицам, снабженные по-

дробнейшими комментариями. В-третьих, дневник Сергея Александровича за 1905 г. Опубликованные источники способствуют лучшему пониманию личности великого князя, служат весомым подтверждением позиции автора.

Таким образом, данное исследование является существенным шагом вперед к незамутненному пониманию жизни и деятельности великого князя Сергея Александровича, а вместе с ней и сложных процессов, происходящих в Российском государстве в конце XIX – начале XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бессмертный Ю.Л. Метод // Человек в мире чувств: Очерки по истории частной жизни в Европе и некоторых странах Азии до начала нового времени / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М. : РГГУ, 2000. С. 16–28.
2. Боханов А.Н. Обреченный // Родина. 1994. № 5. С. 42–47.
3. Боханов А.Н. Великий князь Сергей Александрович // Российские консерваторы. М. : Рус. мир, 1997. С. 323–371.
4. Гришин Б.Д. Трагическая судьба Великого князя. М. : Вече, 2006. 294 с.
5. Мельник В.И. Первый мученик царственного Дома: Великий князь Сергей Александрович Романов. Сергиев Посад : Ковчег, 2006. 109 с.
6. Консерватизм / традиционализм: теория, формы реализации, перспектива : материалы науч. семинара. М. : Науч. эксперт, 2010. Вып. 3. 104 с.
7. Репников А.В. Русские консерваторы конца XIX – начала XX вв. о социальной структуре общества // Трибуна русской мысли. 2008. № 9. С. 76–92.
8. Жуйков Д.А. Основные методологические проблемы биографического исследования в современной историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 25. С. 133–136.
9. Гурьев В.И. Московская полиция. 1881–1917 гг. М. : Спутник+, 2013. 203 с.
10. Закиров Р.С. Эссер-террорист И.П. Каляев (1877–1905): основные этапы жизни и деятельности : дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 245 с.

Ryazanov Sergey M. Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm, Russia). E-mail: s_ryazanov@mail.ru

REVIEW: D.M. SOFYIN. GRAND DUKE SERGEI ALEXANDROVICH: THE PATH OF THE RUSSIAN CONSERVATIVE. MOSCOW: ELISAVETINSKY-SERGIEVSKOE ENLIGHTENMENT SOCIETY, 2016. 240 P.

REFERENCES

1. Bessmertnyy, Yu.L. (2000) Metod [Method]. In: Bessmertnyy, Yu.L. (ed.) *Chelovek v mire chuvstv: Ocherki po istorii chastnoy zhizni v Yevrope i nekotorykh stranakh Azii do nachala novogo vremeni* [Man in the world of feelings: Essays on the history of private life in Europe and some countries in Asia before the beginning of modern times]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 16–28.
2. Bokhanov, A.N. (1994) Obrechenny [Doomed]. *Rodina*. 5. pp. 42–47.
3. Bokhanov, A.N. (1997) Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich [Grand Duke Sergey Aleksandrovich]. In: Bokhanov, A.N. et al. *Rossiyskiye konservatory* [Russian Conservatives]. Moscow: Russkiy mir. pp. 323–371.
4. Grishin, B.D. (2006) *Tragicheskaya sud'ba Velikogo knyazya* [The Tragic Fate of the Grand Duke]. Moscow: Veche.
5. Melnik, V.I. (2006) *Pervyy muchenik tsarstvennogo Doma: Velikiy knyaz' Sergey Aleksandrovich Romanov* [The first martyr of the royal House: Grand Duke Sergey Aleksandrovich Romanov]. Sergiyev Posad: Kovcheg.
6. Neklessa, A.S. et al. (2010) *Konservatizm / traditsionalizm: teoriya, formy realizatsii, perspektiva* [Conservatism / traditionalism: theory, forms of realization, perspective]. Issue 3. Moscow: Nauch. Ekspert.
7. Repnikov, A.V. (2008) *Russkiye konservatory kontsa XIX – nachala XX vv. o sotsial'noy strukture obshchestva* [Russian conservatives of the late 19th – early 20th centuries on the social structure of society]. *Tribuna russkoy mysli*. 9. pp. 76–92.
8. Zhuykov, D.A. (2012) *Osnovnyye metodologicheskiye problemy biograficheskogo issledovaniya v sovremennoy istoriografii* [The main methodological problems of biographical research in modern historiography]. *Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta*. 25. pp. 133–136.
9. Guryev, V.I. (2013) *Moskovskaya politiya. 1881–1917 gg.* [The Moscow police. 1881–1917]. Moscow: Sputnik+.
10. Zakirov, R.S. (2013) *Esser-terrorist I.P. Kalyayev (1877–1905): osnovnyye etapy zhizni i deyatelnosti* [SR terrorist I.P. Kaliayev (1877–1905): the main stages of life and activity]. History Cand. Diss. Moscow.